Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
10876-69

Кириллъ Терлецкій, епископъ Луцкій и Острожскій.

Кириллъ Семенóвичъ Терлецкій происходилъ изъ небогатаго рода православныхъ дворянъ, имѣвшихъ свои помѣстья въ перемышльскомъ повѣтѣ, въ Галиціи. Въ числѣ этихъ помѣстій упоминается с. Терло, отъ имени котораго, вѣроятно, образовалось и фамильное прозвище Терлецкихъ. Въ первой половинѣ XVI ст. мы встрѣчаемъ двухъ православныхъ епископовъ перемышльскихъ изъ этой фамиліи: Лаврентія, упоминаемаго подъ 1535 г., и Арсенія — подъ 1540 г. Неизвѣстно, когда и по какому случаю отецъ Кирилла Терлецкаго оставилъ перемышльскую землю и переселился на Полѣсье; во всякомъ случаѣ родиной Кирилла правдоподобно можно считать пинскій повѣтъ или же самый г. Пинскъ, гдѣ въ исходѣ третьей четверти XVI в. мы встрѣчаемъ его въ санѣ священника при замковой церкви св. Димитрія, при чемъ, по свидѣтельству одного современника, онъ былъ такъ небогатъ, что въ качествѣ слуги „только дьячка за собою волочилъ, которому кермашами (т. е. доходами) пирожными заплату чинилъ“ [1]). О предшествовавшемъ періодѣ его жизни, главное же о его образованіи не сохранилось никакихъ извѣстій. Можно, однако, полагать, что образованіе, полученное въ юности Кирилломъ Терлецкимъ, не было шире и выше того, какое обыкновенно давалось тогда дѣ-

[1]) Посланія аѳонскаго инока-южнорусса Іоанна Вишенскаго. (Акты Южн. и Зап. Россіи, т. II).

тямъ небогатыхъ православныхъ шляхтичей въ югозападной Руси: кромѣ грамотности, ученики, подъ руководствомъ знающаго „дьяка“, пріобрѣтали начитанность въ „святомъ письмѣ“ и богослужебныхъ книгахъ, получали начальныя познанія о предметахъ вѣры и правилахъ христіанской нравственности и практически знакомились съ годичнымъ кругомъ церковныхъ богослуженій и вообще съ церковною обрядностью. Дальнѣйшая ступень въ системѣ тогдашняго обученія состояла въ томъ, что мальчика, подъ руководствомъ уже „бакаляра“, обучали „наукѣ латинскаго письма“, или же отдавали его на нѣкоторое время въ канцелярію градскаго или земскаго суда, гдѣ онъ, подъ руководствомъ „писаря“ (секретаря), упражнялся въ письмоводствѣ и въ составленіи дѣловыхъ бумагъ, изучалъ законы и знакомился съ порядкомъ и формами судопроизводства. Можно думать, что Кириллъ Терлецкій прошелъ именно эту послѣднюю школу, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что онъ и впослѣдствіи не зналъ латинскаго языка, но за то былъ хорошимъ юристомъ и основательно зналъ литовскій Статутъ и другіе кодексы гражданскаго и церковнаго права. Вообще же Терлецкій былъ человѣкъ весьма способный, зналъ хорошо польскій языкъ, и впослѣдствіи путемъ чтенія и обращенія въ кругахъ хорошо образованныхъ людей отчасти восполнилъ недостаточность своего первоначальнаго образованія [1]).

Занимая должность „протопопа“ соборной церкви въ г. Пинскѣ, Кириллъ Терлецкій стоялъ весьма близко къ центру мѣстнаго епархіальнаго управленія. Въ то время въ югозападной Руси при каждой епископской каѳедрѣ существовали особыя духовныя коллегіи, такъ называемые „*крылосы*“, составлявшіе одно изъ старинныхъ учрежденій въ южнорусской церкви. *Крылосъ* состоялъ изъ лицъ бѣлаго духовенства и служилъ органомъ епархіальнаго суда и управленія: по правиламъ Виленскаго собора 1509 г., безъ участія „крылошанъ“ епископъ не могъ судить не только мірянъ, но даже лицъ подчиненнаго ему духовенства; „крылосъ“ же избиралъ архіерейскихъ намѣстниковъ, судившихъ и ря-

---

[1]) Въ сочиненіи извѣстнаго Галицко-русскаго ученаго о. Качалы (Polityka polakow względem Rusi) сообщается свѣдѣніе, что Терлецкій, до вступленія въ духовное званіе, служилъ писаремъ у лит. скарбника Николая Тризны. Хотя въ документальныхъ источникахъ мы не нашли подтвержденія этому извѣстію, но самый фактъ признаемъ вполнѣ правдоподобнымъ.

дившихъ сельскіе причты, вмѣстѣ съ епископомъ завѣдывалъ церковными имѣніями, съ нимъ же нераздѣльно являлся представителемъ церковно-епархіальныхъ интересовъ въ свѣтскихъ судахъ и предъ государственною властью. Еще большее значеніе пріобрѣталъ „крылосъ“ въ случаѣ смерти епископа, когда каѳедра до назначенія новаго владыки оставалась нѣкоторое время вакантною: тогда все управленіе епархіей сосредоточивалось въ рукахъ крылошанъ, среди которыхъ первое мѣсто занималъ „протопопъ“ соборной церкви. А на каѳедрѣ пинской въ то время происходили безпрестанные смѣны епископовъ: послѣ смерти Макарія, ему наслѣдовалъ (въ началѣ 60-хъ годовъ XVI ст.) другой Макарій (Евлашевскій), а черезъ годъ или два на той же каѳедрѣ мы встрѣчаемъ Іону Протасовича, который въ 1568 г. былъ отсюда возведенъ въ санъ митрополита кіевскаго; послѣ чего король пожаловалъ пинскую каѳедру волынскому пану Андрею Русину-Берестецкому, который и правилъ ею въ теченіе четырехъ лѣтъ, оставаясь свѣтскимъ человѣкомъ и нося титулъ „нареченнаго владыки пинскаго и туровскаго“. Когда въ 1572 г. умеръ и этотъ непосвященный „владыка“, то въ числѣ другихъ претендентовъ на вакантную пинскую каѳедру выступилъ и соборный „протопопъ“ Кириллъ Терлецкій, тогда уже вдовый. Безъ сомнѣнія, онъ больше, чѣмъ кто другой, имѣлъ правъ на эту каѳедру, такъ какъ въ теченіе многихъ лѣтъ фактически управлялъ епархіею и пріобрѣлъ достаточную опытность въ церковно-административныхъ дѣлахъ; но въ то время въ польско-литовскомъ государствѣ высшія духовныя достоинства доставались не тѣмъ, кто ихъ заслуживалъ по праву, а тѣмъ, кто имѣлъ связи при королевскомъ дворѣ и обладалъ большею способностью къ происканъ.

Было время, когда въ южнорусской церкви всѣ іерархическія мѣста, отъ священника до митрополита, были избирательными, при чемъ избирателями являлись не одни члены клира церковнаго, но и міряне, пасомые избираемаго пастыря. Еще въ 1509 г. Виленскій соборъ изрекъ церковное отлученіе тѣмъ, кто вздумалъ бы искать высшихъ церковныхъ должностей помимо „совѣта и согласія митрополита и епископовъ и безъ *избранія* отъ князей и пановъ нашего греческаго закона“ [1]). Но, по мѣрѣ все болѣе тѣс-

[1]) Актъ Виленск. собора 1509 г., между прочимъ, напечатанъ въ приложеніи къ 6 вып. „Памятниковъ Русск. Старины въ зап. губ.“, loc. cit. стр. 165.

наго сближенія русско-литовскаго княжества съ Польшею, избирательные порядки въ западно-русской церкви все чаще были нарушаемы польско-литовскими государями, которые въ своей собственной, католической церкви совсѣмъ не знали избирательнаго начала, вели долгую борьбу съ Римомъ за право назначенія духовныхъ сановниковъ и въ XVI ст. добились того, что взяли исключительно въ свои руки раздачу церковныхъ должностей и бенефицій, обративъ въ доходы своей казны тѣ денежные взносы (annatae и т. под.), какіе прежде были уплачиваемы римскому двору епископами и прелатами при ихъ вступленіи въ эти должности. Тѣ же самые порядки они съ половины XVI в. стали вводить и въ православную западно-русскую церковь. Съ другой стороны, въ самомъ западно-русскомъ обществѣ обнаружился къ тому времени рѣзкій внутренній переломъ, благодаря усилившемуся усвоенію понятій и формъ польской культуры и шляхетскаго общежитія, а также подъ вліяніемъ умственно-религіознаго броженія, волновавшаго въ XVI ст. всю Европу и ощутительно отражавшагося въ Литвѣ и югозападной Руси. Этотъ переломъ болѣе всего коснулся высшихъ сословій западнорусскаго населенія и обнаружился въ томъ, что старыя національныя основы и преданія стали забываться, общественныя понятія и отношенія подверглись коренному измѣненію, а религіозныя вѣрованія потеряли прежнюю силу и искренность и вывѣтрились у очень многихъ до степени полнаго религіознаго безразличія. Въ то же время, вслѣдствіе измѣнившихся бытовыхъ условій жизни, стремленія къ роскоши и расточительности, западнорусскіе шляхтичи скоро ощутили недостаточность прежнихъ источниковъ матеріальнаго обезпеченія и всѣми мѣрами стали выпрашивать у короля грамоты на разныя прибыльныя мѣста и должности — староства, войтовства, тіунства и т. под. Такъ какъ православныя епархіи въ югозападной Руси и большинство монастырей обладали весьма значительными имѣніями, пожалованными имъ древними русскими и литовскими князьями и другими благочестивыми лицами, то отсюда становится понятною охватившая въ то время свѣтскихъ пановъ погоня за „духовнымъ хлѣбомъ“, т. е. епископіями и архимандріями. Естественно, что прежній путь къ достиженію этихъ достоинствъ, т. е. всенародное избраніе, для большинства искателей представлялъ много неудобствъ, а потому они предпочитали обращаться съ иска-

тельствомъ непосредственно къ „верховному подавцѣ столицъ и хлѣбовъ духовныхъ“ т. е. къ королю и наперерывъ другъ передъ другомъ выпрашивали у него жалованныя грамоты на архіерейскія и архимандричьи мѣста—кто за прежнія гражданскія и военныя службы, кто по ходатайству придворныхъ вельможъ, а большинство—прямо за деньги. Въ короткое время возникла и развилась сложная система происковъ, выпрашиваній и подкуповъ. Купля и продажа духовныхъ должностей производилась совершенно открыто и ее нисколько не старались скрывать сами участники, какъ это показываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай. Въ 1569 г. упомянутый уже нами п. Андрей Русинъ-Берестецкій, не довольствуясь выхлопотанною раньше королевскою грамотою на епископію пинскую и туровскую, захотѣлъ еще получить богатый Жидичинскій монастырь близъ г. Луцка. Съ этою цѣлью онъ послалъ „до двора его королевской милости“ молодого шляхтича Загоровскаго и снабдилъ его тремя именными вексельными бланками, съ полномочіемъ написать на нихъ, въ случаѣ надобности, отъ его лица денежныя обязательства тѣмъ изъ членовъ королевской „рады“ (государственаго совѣта), которые возьмутся исходатайствовать для него у короля „тотъ хлѣбъ духовный“—архимандритство жидичинское. Но Загоровскій почему-то „ничого добраго не выправилъ и того хлѣба духовного у его королевской милости и у пановъ радъ не зъеднялъ“, а между тѣмъ вексельныхъ бланковъ назадъ не привезъ. Чтобы обезпечить себя на всякій случай отъ напрасной расплаты по этимъ бланкамъ, п. Русинъ внесъ въ луцкія гродскія книги заявленіе, что такъ какъ его попытка выхлопотать архимандритство не удалась, то поэтому онъ не считаетъ себя „виннымъ (должнымъ) якъ самому его королевской милости, такъ и панамъ радамъ, никому ничого и никоторой суммы пенезей [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такимъ же способомъ пріобрѣлъ пинскую каѳедру и преемникъ п. Русина, Кириллъ Терлецкій, такъ какъ въ жалованной грамотѣ, выданной ему впослѣдствіи на эту епископію, нѣтъ упоминанія о какомъ-либо избраніи, а говорится лишь о назначеніи его „панами радами“. Сами „паны рады“ дали Кириллу и грамоту на пинское и туровское „владычство“ и на всѣ принадлежащія къ нему имѣнія, сами и отпра-

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, часть 1, томъ VI, № XXVIII.

вили его съ этою грамотою къ митрополиту Іонѣ, который и рукоположилъ его во епископа. Это случилось въ междуцарствіе послѣ бѣгства изъ Польши короля Генриха (1574—1575 гг.); когда же въ 1576 г. на престолъ польскій взошелъ Стефанъ Баторій, Терлецкій поспѣшилъ испросить у него новую подтвердительную грамоту на данное ему панами радами владычество пинское и туровское.

Достигнувъ цѣли своихъ искательствъ, тогдашніе архіереи-шляхтичи нисколько не заботились о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ, а все вниманіе и помыслы посвящали одной заботѣ—о личномъ обогащеніи. Они устраняли „крылошанъ“ отъ участія въ распоряженіи церковными имѣніями и доходами и сами распоряжались ими единолично и совершенно безъ всякаго контроля и отчета: раздавали цѣлыя помѣстья въ пожизненное пользованіе своимъ дѣтямъ и родственникамъ, отдавали въ приданое за дочерьми, продавали, обмѣнивали, сдавали въ аренду на десятки лѣтъ, закладывали и вообще располагали какъ своею личною собственностью. Такъ же самоуправно распоряжались они и церковною движимостью: разоряли монастыри и церкви, разбирали изъ укрѣпленныхъ церковныхъ замковъ пушки и другое оружіе и развозили его по своимъ собственнымъ имѣніямъ, расхищали болѣе цѣнныя вещи изъ церковной утвари, „съ крестовъ великихъ малые чинили и собѣ поясы, ложки и сосуды злочестивые къ своимъ похотемъ справовали“ [1]). Не довольствуясь богатыми доходами съ церковныхъ имѣній, владыки произвольно налагали усиленные поборы и подати на подвѣдомственное имъ духовенство, и если священники не удовлетворяли ихъ требованіямъ, то они запрещали имъ богослуженіе и запечатывали церкви [2]). Еще безцеремоннѣе поступали владыки съ тѣми церквами, которыя находились подъ личнымъ ихъ патронатствомъ: они иногда сдавали такія церкви въ аренду наравнѣ съ мельницами и винокурнями; такъ въ 1585 г. мѣщане могилевскіе жаловались королю, что ихъ владыка, полоцкій архіепископъ Ѳеофанъ, будучи патрономъ церкви св. Спаса въ

---

[1]) Слова жалобы православныхъ дворянъ на своихъ епископовъ и архимандритовъ, изложенной въ письмѣ къ митрополиту въ 1585 г. Акты Зап. Россіи, т. IV, № 146. См. также Архивъ Юго Зап. Р. ч. 1, т. 1, стр. XXVI—XXVIII.

[2]) Тамъ же, № 33.

Могилевѣ, отдалъ эту церковь въ аренду [1]). Нажившись такими путями, нѣкоторые владыки, съ цѣлью еще большаго обогащенія, нерѣдко пускались въ комерческія предпріятія: брали подряды на поставку въ Данцигъ тамошнимъ купцамъ хлѣба и лѣсныхъ товаровъ и отдавали въ ростъ деньги панамъ, купцамъ и мѣщанамъ, не только христіанамъ, но и евреямъ, обезпечивая ихъ долги налогами соотвѣтственной цѣнности—землями, имѣніями или цѣнными вещами.

Къ этому типу владыкъ-стяжателей принадлежалъ и Кириллъ Терлецкій. Свое десятилѣтнее управленіе пинскою епархіею онъ не ознаменовалъ ничѣмъ инымъ, какъ только заботами о неприкосновенности церковныхъ имѣній и увеличеніи архіерейскихъ доходовъ, велъ безпрестанныя тяжбы по этому предмету съ разными лицами и успѣлъ составить себѣ большое состояніе [2]). Но пинская епархія считалась одною изъ бѣднѣйшихъ въ югозападной Руси, и Терлецкій давно уже выжидалъ удобнаго случая, чтобы промѣнять ее на другую, болѣе богатую епархію. Случай такой представился въ 1585 г. со смертью луцкаго епископа Іоны Борзобогатаго-Красенскаго, прославившагося своимъ воинственнымъ характеромъ и умершаго „баннитомъ“, т. е. присужденнымъ за буйство къ лишенію гражданскихъ правъ и къ изгнанію изъ отечества. Кириллъ Терлецкій не замедлилъ выпросить себѣ у короля новооткрывшуюся вакантную каѳедру и въ сентябрѣ того же 1585 г. былъ введенъ въ управленіе ею, по королевскому приказанію.

Луцкая и Острожская епархія, править которою былъ призванъ Терлецкій, считалась одною изъ самыхъ богатыхъ епархій южнорусскихъ. Ей принадлежало болѣе 40 населенныхъ имѣній, въ томъ числѣ 4 мѣстечка, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли укрѣпленные замки съ пушками и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Вступивъ въ управленіе всѣмъ этимъ богатствомъ, владыка зажилъ по обычаю магнатовъ того времени: его окружала многочисленная толпа бояръ и слугъ, въ числѣ которыхъ мы встрѣчаемъ имена двухъ князей Гедройть, потомковъ нѣкогда знаменитаго литовскаго рода; въ его кладовыхъ хранились неистощимые запасы, цѣлыми

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. III, № 152.

[2]) Въ документахъ того времени упоминаются слѣдующія имѣнія Кир. Терлецкаго въ пинскомъ Полѣсьи: сс. Дубая, Гридковичи, м. Мооаль и Рѣчица.

бочками, мальвазіи, рейнскаго и другихъ напитковъ [1]), а въ луцкомъ епископскомъ замкѣ всегда былъ на-готовѣ многочисленный и хорошо вооруженный отрядъ гайдуковъ, услугами котораго владыка пользовался довольно часто и притомъ не противъ однихъ только татаръ, нерѣдко вторгавшихся въ предѣлы Волыни. Сверхъ того Терлецкій, по обычаю тогдашнихъ архіереевъ шляхтичей, окружилъ себя многочисленною родней, которую вызвалъ изъ Полѣсья и Подгорья въ помощь себѣ по управленію церковными имѣніями; такъ, при немъ жила его дочь Ганна съ своимъ мужемъ п. Иваномъ Велятицкимъ, буйнымъ и своевольнымъ шляхтичемъ; одинъ изъ родственниковъ владыки Иванъ Терлецкій былъ урядникомъ въ церковномъ имѣніи с. Теремномъ, другой—Прокопъ управлялъ м. Фалимичами. Въ такой же должности, кажется, состоялъ и двоюродный братъ Кирилла, Василій Григорьевичъ Терлецкій, владѣлецъ нѣсколькихъ помѣстій въ перемышльскомъ повѣтѣ. Но самымъ довѣреннымъ лицемъ владыки, такъ сказать, его правою рукою былъ родной его братъ Ярошъ Терлецкій, котораго онъ держалъ при себѣ неотлучно въ замкѣ луцкомъ и всегда посвящалъ его въ самыя сокровенныя свои намѣренія. У этого Яроша была жена Марина Богухваловна, о которой тогда злые языки говорили, будто владыка съ нею „въ чужоложствѣ мешкалъ“.

Такъ какъ г. Острогъ входилъ въ составъ луцкой епархіи и въ острожскомъ замкѣ находился даже особый епископскій дворъ при соборной Богоявленской церкви, то новый владыка имѣлъ частые поводы и случаи встрѣчаться съ княземъ Константиномъ Острожскимъ и вообще входить въ близкое съ нимъ соприкосновеніе. А князь Острожскій въ то время занятъ былъ заботами о процвѣтаніи незадолго предъ тѣмъ основанной имъ въ Острогѣ высшей школы и при ней типографіи, объ изданіи книгъ священнаго писанія и другихъ православныхъ сочиненій, хлопоталъ о насажденіи въ юго-западной Руси образованія и всѣми мѣрами старался расположить высшее западно-русское духовенство къ содѣйствію ему въ этомъ полезномъ дѣлѣ. Угождая желаніямъ благочестиваго и могущественнаго князя, Терлецкій съ своей стороны старался казаться ревнителемъ просвѣщенія, слѣдствіемъ чего было то, что въ острожской типографіи скоро была издана въ свѣтъ книжка „О крестномъ зна-

[1]) См. опись кладовыхъ Терлецкаго—Архивъ Юго Зап. Р., часть 1, т. I, № 76.

меніи„ „за выдаткомъ або накладомъ на то велебного его милости епископа луцъкого и острозского отца Кирилла Терлецкаго“ [1]). Въ первое время князь Острожскій относился съ большою благосклонностью къ своему епархіальному архіерею, надѣясь имѣть въ немъ добраго пастыря церкви; но послѣдній не замедлилъ своими поступками разочаровать довѣрчиваго князя: „уловилъ его діаволъ (по словамъ современника) сребролюбіемъ, невоздержаніемъ, чужоложствомъ, убійствомъ и иными симъ подобными выступками, о которыхъ его выступкахъ мало не весь свѣтъ вѣдалъ, и доносилося то до ушью благочестивого княжати“, который долго не хотѣлъ придавать вѣры этимъ дурнымъ слухамъ, пока самъ не убѣдился въ справедливости ихъ [2]).

Были ли въ то время какія нибудь фактическія основанія для этихъ слуховъ, мы не знаемъ; но впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, Терлецкій судебнымъ порядкомъ неоднократно былъ обвиняемъ въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ. Въ первые же годы по вступленіи Кирилла въ управленіе новой епархіей въ судебныхъ книгахъ хотя и встрѣчаются частыя жалобы разныхъ лицъ на самоуправство и другія насильственныя дѣйствія новаго владыки, но это были весьма обыкновенные „выступки“ въ жизни тогдашнихъ архіереевъ. Дѣло въ томъ, что Терлецкій нашелъ свою епископію въ сильно разоренномъ положеніи: одни изъ церковныхъ имѣній были розданы родственникамъ прежняго архіерея, другія сданы въ аренду на десятки лѣтъ, третьи присвоены сторонними лицами. Вмѣсто того, чтобы возстановлять нарушенное право при помощи суда, Терлецкій дѣйствовалъ другимъ способомъ: онъ высылалъ вооруженные отряды и силою отбиралъ захваченныя имѣнія, изгоняя прежнихъ владѣльцевъ и въ свою очередь захватывая ихъ собственныя земли. При такихъ наѣздахъ иногда происходили настоящія сраженія, совершались убійства, грабежи и другія насилія. Жалобы объ этихъ насиліяхъ не рѣдко доходили даже до ко-

---

[1]) См. „Памятники русск. старины въ зап. губ.“ вып. VI, стр. 159. При этомъ случаѣ позволимъ исправить вкравшуюся туда небольшую хронологическую невѣрность, перешедшую отсюда и въ нѣкоторые указатели старопечатныхъ книгъ: въ „Памятникахъ“ время изданія книги „О крестномъ знаменіи“ опредѣляется „около *1584 г.*“; это надо исправить такъ: „*не ранѣе конца 1585 г.*“, такъ какъ Терлецкій переведенъ былъ на луцкую епархію лишь въ маѣ 1585 г.

[2]) Слова автора „*Перестороги*“, составленной около 1600—1605 гг. и помѣщенной въ актахъ Зап. Россіи, т. IV, № 149.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР

ролевскаго суда; но у Терлецкаго были сильныя связи при дворѣ, и король постоянно его оправдывалъ, приказывая иногда уничтожать въ актовыхъ книгахъ и самыя жалобы, поданныя на епископа.

Скоро, однако, обстоятельства перемѣнились, и для Терлецкаго наступили тревожныя времена. Въ 1588—89 гг. южную Русь лично посѣтилъ константинопольскій патріархъ Іеремія. Своими дѣйствіями и распоряженіями онъ сильно поколебалъ укоренившуюся среди мѣстной іерархіи увѣренность въ безконтрольности ея дѣйствій и безнаказанности проступковъ. Извѣстно, что патріахъ низложилъ супрасльскаго архимандрита Тимоѳея Злобу, обличеннаго въ убійствѣ, издалъ декретъ о низложеніи всѣхъ второженцевъ и троеженцевъ священниковъ и самъ низложилъ за то же кіевскаго митрополита Онисифора. Это произвело сильное устрашающее дѣйствіе на привыкшее къ распущенности духовенство западно-русское. Не былъ спокоенъ въ то время и Кириллъ Терлецкій, тѣмъ болѣе, что его личный недоброжелатель, львовскій владыка Гедеонъ Балабанъ, разсказалъ патріарху разныя недостойныя вещи про Кирилла, за которыя тотъ подвергъ его осужденію и выдалъ было противъ него какія-то грамоты; но хитрый владыка съумѣлъ не только оправдаться предъ патріархомъ, которому, по незнанію русскаго языка, трудно было вполнѣ разобраться въ мѣстныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ,—но и расположилъ его въ свою пользу на столько, что тотъ возвелъ его даже въ санъ своего экзарха. Видно по всему, однако, что такой благополучный исходъ дѣла стоилъ Терлецкому не малыхъ хлопотъ, а можетъ быть и денегъ.

Два года спустя Терлецкаго постигла новая непріятность. Онъ заболѣлъ и для излѣченія уѣхалъ въ г. Сандомиръ, спрятавъ часть своего имущества въ острожскомъ замкѣ. Вскорѣ распространился слухъ, будто владыка умеръ. Этимъ воспользовался староста острожскаго замка нѣкто Жданъ Боровицкій и забралъ въ свою пользу часть архіерейскаго имущества — деньги, серебряные сосуды, бочки съ винами, оружіе и богатыя платья. Возвратившись изъ Польши, Кириллъ пожаловался объ этомъ князю Острожскому, который все еще былъ къ нему расположенъ по прежнему. Но Боровицкій, пользовавшійся еще большимъ довѣріемъ и расположенностью князя, удостовѣрилъ его, что Кириллъ

многое вымышляетъ на него, и при этомъ случаѣ порасказалъ князю о цѣломъ рядѣ проступковъ луцкаго владыки, слухамъ о которыхъ тотъ не довѣрялъ до этого времени: объ убійствѣ якобы Терлецкимъ съ корыстною цѣлью какого-то Филиппа Маляра, о „мѣшканьи въ чужоложствѣ“ съ женою брата, о сношеніяхъ владыки съ ворами „што ему волы до кухни воживали“, о яденіи мяса и объ „иныхъ сквернодѣйствахъ“. Всѣ эти обвиненія Боровицкій, въ присутствіи князя, повторилъ въ глаза самому владыкѣ и поставилъ тутъ же многочисленныхъ свидѣтелей, которые стали уличать его въ тяжкихъ грѣхахъ. Терлецкому, по словамъ современника, не удалось вполнѣ опровергнуть взведенныя противъ него обвиненія, и съ тѣхъ поръ онъ навсегда лишился расположенности князя Острожскаго [1]).

Въ то же самое время Терлецкому приходилось выносить упорную вражду со стороны луцкаго старосты Александра Семашка, потомка древняго южно-русскаго рода, лишь незадолго предъ тѣмъ перешедшаго въ католичество и потому со всею яростью ренегата преслѣдовавшаго православнаго епископа. Такъ какъ луцкая соборная церковь и епископскій дворъ находились въ самомъ замкѣ луцкомъ, состоявшемъ въ завѣдываніи старосты, то Семашко имѣлъ возможность дѣлать на каждомъ шагу притѣсненія Терлецкому и его клиру. Такъ, въ одно время онъ у входа въ замокъ поставилъ гайдуковъ и приказалъ имъ брать по грошу и по два со всѣхъ православныхъ, духовныхъ и мірянъ, идущихъ въ церковь, а иначе никого не пропускать. А въ праздникъ пасхи 1591 г. староста и совсѣмъ не пустилъ въ замокъ никого изъ духовенства, кромѣ одного епископа, вслѣдствіе чего въ соборной церкви въ тотъ день не было совершено богослуженіе; между тѣмъ староста, потѣшаясь надъ епископомъ, заводилъ въ церковныхъ притворахъ танцы и другія игры съ музыкою и приказывалъ гайдукамъ для развлеченія стрѣлять въ золоченный крестъ и куполъ собора. Въ другой разъ онъ не пропустилъ въ замокъ строительныхъ матеріаловъ, приготовленныхъ Терлецкимъ для починки церкви; а вслѣдъ за тѣмъ возбудилъ противъ епископа судебное преслѣдованіе, какъ противъ нарушителя общественнаго спокойствія, за то, что будто бы тотъ во

[1]) Акты зап. Россіи, т. IV, № 149, стр. 210—211.

время засѣданій суда входилъ въ замокъ съ оружіемъ, что было строго воспрещено закономъ. Сверхъ того староста постоянно вмѣшивался въ духовную юрисдикцію епископа и бралъ подъ свою защиту священниковъ, подвергаемыхъ наказанію со стороны владыки, при чемъ однажды во время разбора жалобы одного священника, котораго Терлецкій наказалъ за порочную жизнь, староста въ присутствіи суда публично заявилъ, что онъ знаетъ не мало грѣховъ и за самимъ епископомъ, и обратившись къ адвокату священника, шепнулъ: „скажи: попъ знаетъ, что къ владыкѣ приводили развратную женщину“ [1]). Нѣсколько лѣтъ продолжалась эта упорная вражда къ епископу со стороны старосты. Терлецкій неоднократно обращался съ жалобами въ суды, которые иногда постановляли рѣшенія въ его пользу; но это не могло остановить своевольнаго магната, пользовавшагося большимъ довѣріемъ при королевскомъ дворѣ. Между тѣмъ прежній покровитель Терлецкаго, извѣстный своею вѣротерпимостію, король Стефанъ Баторій умеръ еще въ 1586 г. и на польскомъ престолѣ сидѣлъ питомецъ іезуитовъ Сигизмундъ III, у котораго напрасно сталъ бы искать защиты православный епископъ.

Но всѣ эти частныя и случайныя непріятности были ни что въ сравненіи съ тою общею опасностью, какая въ то время грозила Терлецкому и другимъ подобнымъ ему владыкамъ со стороны ихъ же пасомыхъ. Безнравственная жизнь большинства этихъ владыкъ и рѣшительное ихъ нерадѣніе о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ и о нуждахъ церковныхъ давно уже подорвали въ православномъ западнорусскомъ обществѣ всякое довѣріе и уваженіе къ его недостойнымъ пастырямъ. По мѣрѣ того, какъ умножались злоупотребленія въ іерархической средѣ, въ обществѣ росло и зрѣло сознаніе непормальности существовавшихъ церковныхъ порядковъ и отношеній и необходимости положить, наконецъ, предѣлъ дальнѣйшимъ злоупотребленіямъ. Мысль о реформѣ церковной скоро сдѣлалась общею, и органомъ этого преобразовательнаго движенія явились церковныя братства, а во главѣ ихъ старѣйшее южнорусское братство — львовское. Восточные патріархи, хорошо зная о нестроеніяхъ въ западнорусской церкви, доведенной злоупотребленіями владыкъ до послѣдней

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть I, т. I, №№ 69, 70, 72, 73—75.

степени упадка, съ своей стороны оказывали поддержку означенному движенію и даровали церковнымъ братствамъ столь широкія права и полномочія, что, владѣя ими, они являлись законными органами высшей церковной власти: такъ братствамъ предоставлялось право „обличать всякаго противящагося христіанскому закону и отметать изъ церкви всякое безчиніе“, наблюдать за жизнью и нравственностью не только мірскихъ людей, но и духовныхъ, а неисправляющихся предавать церковному суду и даже подвергать отлученію, наконецъ, что особенно важно, братствамъ предоставлялось право контролировать дѣйствія и поступки самихъ архіереевъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда епископъ управлялъ своею паствою не по правиламъ церковнымъ, братчики имѣли власть „противиться ему какъ врагу истины“ [1]). Владѣя столь широкими полномочіями и обезпеченныя поддержкою и содѣйствіемъ такихъ могущественныхъ сочленовъ своихъ, какими были тогда князья Острожскіе, Вишневецкіе, Скумины и другіе ревнители православія, братства настойчиво старались простереть свое вліяніе на высшее управленіе дѣлали западнорусской церкви: побуждали архіереевъ ежегодно созывать мѣстные соборы, посылали на эти соборы своихъ депутатовъ, ставили владыкамъ на видъ разные случаи нарушенія духовенствомъ церковныхъ правилъ и домогались коренного исправленія допущенныхъ архіереями безпорядковъ въ церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ, видя равнодушіе владыкъ къ интересамъ церковнаго благоустройства и очевидную ихъ неохоту и неспособность ввести требуемыя исправленія, братства все чаще обращались къ константинопольскому патріарху, доносили ему о проступкахъ своихъ архіереевъ и требовали отъ него рѣшительныхъ мѣръ къ искорененію церковнаго безчинія.—Всѣ эти обстоятельства рѣзко измѣнили прежнюю безмятежную жизнь западнорусскихъ владыкъ и внесли въ нее тревогу и постоянное безпокойство. Прежде владыки знали одно: заслужить благосклонность у короля и заручиться покровительственнымъ расположеніемъ со стороны кого-нибудь изъ сенаторовъ или другихъ близкихъ ко двору лицъ—и затѣмъ могли безнаказанно дѣлать, что хотѣли; а теперь того и гляди братство пошлетъ донесеніе патріарху, а тотъ нарядитъ строгій судъ надъ

---

[1]) См. Уставъ Львовскаго братства—Памятники кіевской коммиссіи, т. III, отд. I. стр 1—21.

обвиненнымъ, или же прямо пришлетъ грамоту о низложеніи. А много-ли между тогдашними владыками было такихъ, которые съ спокойною совѣстью могли бы предстать предъ этимъ судомъ и въ жизни которыхъ не нашлось бы каноническихъ поводовъ къ низложенію? Владыки холмскій (Діонисій Збируйскій) и пинскій (Леонтій Пельчицкій) святительствовали живя открыто съ женами и укрывая въ своихъ епархіяхъ священниковъ-двоеженцевъ и троеженцевъ, за что послѣдній уже и получилъ однажды отъ патріарха строгое замѣчаніе съ угрозою отлученія; владыка перемышльскій Михаилъ Копыстенскій также вступилъ на каѳедру въ женатомъ состояніи и не разведшись съ женою; львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ два раза уже подвергался патріаршему декрету о низложеніи за причиняемыя имъ насилія братству львовскому; что же касается луцкаго владыки Кирилла Терлецкаго, то мы упоминали уже о нѣкоторыхъ преступленіяхъ, въ которыхъ онъ былъ тогда обвиняемъ, а ниже сообщимъ и о другихъ, еще болѣе тяжкихъ обвиненіяхъ, возбужденныхъ противъ него открыто, на судѣ. Спрашивается, могли ли эти владыки оставаться спокойными въ виду неусыпнаго наблюденія за ихъ жизнью со стороны церковныхъ братствъ? да и вообще, могли ли они примириться съ новыми явленіями, лишь незадолго передъ тѣмъ возникшими въ западнорусской церкви: съ братствами новаго типа, облеченными правомъ надзора за жизнью духовенства, съ ихъ вмѣшательствомъ въ дѣла церковнаго управленія, съ ихъ требованіями преобразовательныхъ мѣръ въ церковномъ строѣ, съ ихъ постоянными апелляціями къ суду патріарха? Современный писатель, анонимный авторъ „Перестороги“, влагаетъ въ уста луцкому епископу Кириллу Терлецкому слѣдующую характерную рѣчь, которую онъ будто бы держалъ къ своимъ собратьямъ-владыкамъ, и которая лучше всего рисуетъ тогдашнія ихъ тревоги: „Теперь восточные патріархи, имѣя свободный путь въ землю московскую, станутъ часто ѣздить туда для сбора милостыни и, ѣдучи въ Москву и назадъ, не могутъ миновать и насъ; имѣя же королевскія разрѣшительныя грамоты на право чинить судъ и распоряженія въ нашей церкви, не преминутъ всякій разъ пользоваться этимъ правомъ и станутъ снова мутить между нами. Вѣдь вотъ Іеремія низложилъ уже одного митрополита, и какое безчестье учинилъ ему этимъ! Притомъ же и братства утвердилъ, которыя будутъ и теперь уже суть нашими го-

нителями: хотя чего и не будетъ, то они взведутъ на насъ и обжалуютъ патріарху; а за тѣмъ, сохрани Богъ, низложатъ ли кого изъ насъ съ епископіи, то сами посудите, какое то будетъ безчестье! Господарь король жалуетъ намъ достоинства наши пожизненно и не отнимаетъ ихъ ни у кого иначе, какъ только за тяжкія преступленія, караемыя смертью; а патріархъ по пустымъ оговорамъ можетъ каждаго изъ насъ обезчестить лишеніемъ сана! Посудите же сами, какая это тяжкая неволя!“ [1]) Чтобы освободиться отъ этой „неволи“, владыки готовы были рѣшиться на всякое средство и прежде всего попытались бороться противъ ближайшихъ своихъ „гонителей“ — братствъ; но борьба эта не привела ни къ чему и только повредила архіереямъ въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ братства стояли за правое и всѣми одобряемое дѣло: стремились ввести лучшій порядокъ церковный, открывали школы, какихъ до того времени и не было на Руси, заводили типографіи, умножали число ученыхъ людей, и этими дѣйствіями съ каждымъ днемъ завоевывали все большія симпатіи во всѣхъ слояхъ западно-русскаго общества и привлекали на свою сторону даже князей и знатныхъ дворянъ, съ охотою записывавшихся въ братскіе „реестры“ и оказывавшихъ братствамъ помощь и защиту. Напрасно владыки поднимали вопль о томъ, будто патріархъ отнялъ у нихъ всю церковную власть и вручилъ ее простымъ „хлопамъ“-братчикамъ, которые-де не повинуются власти своихъ епископовъ и осмѣливаются обсуждать ихъ образъ дѣйствій. Эти жалобы встрѣчали поддержку лишь за предѣлами православной церкви, въ средѣ католическаго клира и особенно іезуитовъ, которые, разсматривая съ своей точки зрѣнія соборные порядки и учрежденія православно-русской церкви, давно уже твердили о порабощеніи будто бы православными міранами своихъ пастырей и указывали въ этомъ явленіи Божье наказаніе, постигшее якобы православную іерархію за ея отступленія отъ власти римскаго первосвященника [2]); мысль эту часто развивалъ предъ Терлецкимъ его ближайшій сосѣдъ, луцкій католическій бискупъ Бернардъ Мацѣевскій, склоняя его къ уніи. Можно легко пред-

---

[1]) Акты зап. Россіи, т. IV, № 149.

[2]) Эта мысль обстоятельно изложена, наприм., въ извѣстномъ сочиненіи іезуита П. Скарги „О единствѣ церкви Божьей“, изданномъ въ 1577 г. въ видахъ пропаганды въ зап. Руси идеи церковной уніи.

ставить, какое дѣйствіе эти рѣчи оказывали на мало образованныхъ богословски, но привыкшихъ къ властолюбію и своеволію русскихъ архіереевъ, до крайности тяготившихся вмѣшательствомъ братствъ въ церковныя дѣла и надзоромъ за ихъ дѣйствіями. Они издавна любили приравнивать іерархическія права свои къ правамъ католическихъ бискуповъ и тѣмъ сильнѣе чувствовали неравенство съ ними въ другихъ, житейскихъ отношеніяхъ. Католическіе прелаты и бискупы не имѣли и понятія о тѣхъ стѣсненіяхъ, какимъ подвергались они, русскіе архіереи, называвшіе свое положеніе „тяжкою неволей“. Первые сами любили хвалиться, что ихъ пасомые міряне не только не управляютъ ими, какъ то дѣлается будто бы у православныхъ, но напротивъ, отдаютъ имъ слѣпое послушаніе въ духовныхъ и даже въ мірскихъ дѣлахъ,— при чемъ всегда намекали, что такое же положеніе было-бы удѣломъ и русскаго духовенства, если бы оно признало надъ собою власть папы. Русскимъ владыкамъ было извѣстно, что католическіе бискупы имѣли мѣста въ сенатѣ и пользовались почетомъ наравнѣ съ высшими сановниками въ государствѣ; что они ни отъ кого не зависѣли, кромѣ папы и отчасти короля; что они вели праздную и роскошную жизнь, предавались излишествамъ—и никто не вмѣшивался въ это, никто не угрожалъ имъ за это судомъ и низложеніемъ; что они чинили свѣтскимъ людямъ насилія, часто совершали преступленія — и оставались безнаказанными, потому что не хотѣли признавать надъ собою власти свѣтскихъ судовъ и всегда могли обратить въ ничто ихъ декреты, потребовавъ перенесенія дѣла въ Римъ на судъ папы. Это вельможное положеніе католическаго духовенства издавна составляло предметъ зависти для западно-русскихъ владыкъ; и вотъ теперь отъ имени папы и короля обѣщали предоставить имъ такое же положеніе подъ условіемъ, чтобы они приняли унію, или точнѣе, согласились промѣнять іерархическую зависимость отъ восточнаго патріарха на подчиненіе римскому первосвященнику. Что могло удержать русскихъ владыкъ отъ соблазна принять это предложеніе? Чувство духовнаго единенія съ своими пасомыми? Но пасомые давно потеряли къ нимъ послѣднее уваженіе и въ лицѣ своихъ представителей — братствъ требовали въ то время соборнаго суда надъ ними. Или, можетъ быть, сила и искренность православныхъ убѣжденій? Но изъ всего, что намъ извѣстно о характерѣ вѣрованій той шляхет-

ской среды, изъ которой западно-русскіе владыки непосредственно восходили на іерархическія каѳедры, а еще болѣе изъ оцѣнки ихъ личныхъ поступковъ, отношенія къ пастырскому долгу и т. под., можно, кажется намъ, вывести безошибочное заключеніе, что между тогдашними представителями высшаго западно-русскаго духовенства совсѣмъ почти не было искренно и глубоко вѣрующихъ людей, сознательно преданныхъ православію. Большинство изъ нихъ были люди довольно безразличные въ религіозномъ отношеніи, въ родѣ, напр., самого же Кирилла Терлецкаго, о которомъ современники съ ироніей отзывались, что они ни мало не были бы удивлены, когда бы этотъ владыка „даже потурчился“ [1]); у другихъ же чувство вѣры не шло далѣе привычки къ церковной обрядности, которую имъ обѣщали оставить и при уніи.

И вотъ въ іюнѣ 1591 года на съѣздѣ западно-русскихъ архіереевъ, происходившемъ въ г. Брестѣ, была составлена первая грамота объ уніи, подписанная Кирилломъ Терлецкимъ, Гедеономъ Балабаномъ, Леонтіемъ Пельчицкимъ и Діонисіемъ Збируйскимъ — именно тѣми владыками, которые, какъ было упомянуто, болѣе другихъ имѣли поводовъ страшиться суда патріаршаго. Въ этой грамотѣ названные епископы заявляли о своей готовности признать своимъ пастыремъ намѣстника св. Петра, если только онъ согласится оставить безъ нарушенія всѣ церемоніи и обряды восточной церкви и если король обезпечитъ особыми грамотами ихъ „вольности“ и утвердитъ нѣкоторыя условія, которыя ими будутъ представлены. Веденіе этого дѣла они поручали своему „старшему брату“ Кириллу Терлецкому, экзарху и епископу луцкому и острожскому [2]).

Таково было происхожденіе и начало церковной уніи. Мы не выдѣляемъ участія въ этомъ дѣлѣ собственно Кирилла Терлецкаго, потому что, хотя онъ, по общепринятому мнѣнію, признается наравнѣ съ Ипатіемъ Потѣемъ, едва ли не главнымъ творцемъ и виновникомъ уніи, но при ближайшемъ изученіи дѣла не оказывается никакихъ достаточныхъ основаній, чтобы признать за нимъ это значеніе. Терлецкій былъ человѣкъ прежде всего мало образованный, составившій себѣ дурную репутацію въ православномъ

---

[1]) Апокрисисъ—Русская Историч. Библіотека т. VII, стр. 1246.
[2]) Исторія русск. церкви, митропол. Макарія, т. IX, стр. 516.

обществѣ, не пользовавшійся никакимъ авторитетомъ ни въ средѣ міряпъ, ни въ средѣ духовенства, и уже по одному этому онъ не могъ быть инпціаторомъ уніи. Когда мы будемъ излагать біографію Ип. Потѣя, мы увидимъ, кому принадлежала дѣйствительная инпціатива въ этомъ дѣлѣ. Терлецкій же собственно прислужился этому дѣлу лишь тѣмъ, что подъ вліяніемъ затруднительныхъ обстоятельствъ своего личнаго положенія въ то время, а еще болѣе благодаря присущей его характеру привычкѣ дѣйствовать всегда по первому впечатлѣнію и не задумываясь отваживаться на самыя рискованныя предпріятія, онъ смѣло и рѣшительно сдѣлалъ такой шагъ, надъ которымъ еще задумывались другіе владыки, т. е. первымъ изъ архіереевъ высказался за принятіе уніи. Само собою разумѣется, что онъ не былъ искренно убѣжденъ въ истинности идеи уніи—да едва ли у него и вообще имѣлись какія-нибудь искреннія убѣжденія,—а дѣйствовалъ онъ исключительно по чувству своекорыстія, изъ желанія выслужиться предъ польскимъ правительствомъ и тѣмъ улучшить свое личное положеніе. Разсмотрѣніе дальнѣйшей дѣятельности Терлецкаго на пользу уніи, надѣемся, послужитъ подтвержденіемъ сказанному.

Нѣтъ сомнѣнія, что Терлецкій, уполномоченный своими единомышленниками-архіереями начать дѣло объ уніи, тотчасъ же поспѣшилъ довести до свѣдѣнія короля о состоявшемся на брестскомъ съѣздѣ постановленіи. И понятно, какъ должно было быть пріятно королю Сигизмунду и его руководителямъ это первое формальное заявленіе четырехъ русскихъ епископовъ о соглашеніи ихъ приступить къ уніи съ римскою церковью. Но, видно, личность уполномоченнаго не внушала королю большого довѣрія, что онъ не сразу рѣшился дать отвѣтъ на представленное ему заявленіе. И только 15 мая 1592 г., т. е. почти чрезъ годъ, появилась отвѣтная королевская грамота, въ которой Сигизмундъ III объявлялъ что съ радостью принимаетъ спасительное намѣреніе русскихъ епископовъ подчиниться власти единаго святѣйшаго пастыря римскаго, и удостовѣрялъ своимъ господарскимъ словомъ за себя и за всѣхъ своихъ преемниковъ, что если названные епископы по какимъ либо причинамъ подвергнутся неблагословенію и клятвамъ отъ патріарховъ, то все это не причинитъ имъ ни малѣйшаго вреда; кромѣ того, король обѣщалъ также господарскимъ словомъ, что какія-бы ни послѣдовали впредь жалобы и обвиненія противъ озна-

ченныхъ епископовъ, онъ никогда не отниметъ у нихъ епископскихъ каѳедръ и имѣній, которыми они владѣютъ, и не отдастъ другимъ; напротивъ еще придастъ имъ новыя вольности и льготы, какими пользуются римскіе духовные [1]).

На первый разъ это только и нужно было Терлецкому. Обезпеченный королевскимъ обѣщаніемъ, онъ могъ теперь спокойно думать о будущемъ и не опасался болѣе потерять богатый свой „хлѣбъ духовный“. Черезъ мѣсяцъ онъ уже успѣлъ примириться съ недавнимъ своимъ врагомъ—луцкимъ старостою и уничтожилъ всѣ начатыя противъ него судебныя тяжбы. Послѣ всего этого владыка не имѣлъ болѣе побужденій сдерживать буйные порывы своей широкой натуры, и съ того времени въ судебныхъ книгахъ безпрестанно встрѣчаются самыя разнообразныя жалобы на его своеволіе. Прежде всего онъ поспѣшилъ свести счеты съ своими личными недоброжелателями, успѣвшими захватить нѣкоторыя церковныя земли въ то время, когда онъ былъ занятъ тяжбами съ старостою. Послѣдовалъ рядъ вооруженныхъ наѣздовъ, грабежей и разныхъ насилій. Съ особенною жестокостью было совершено отобраніе имѣнія Фалимичъ, захваченнаго королевскимъ секретаремъ Броневскимъ. Здѣсь въ то время случайно находился пріятель Броневскаго шляхтичъ Гижовскій. Во время ночнаго штурма онъ былъ тяжело раненъ пулею и ему отрубили кисть правой руки. Когда его, истекавшаго кровью, привели къ Терлецкому, послѣдній не только воспретилъ допустить къ нему фельдшера для подачи необходимой помощи, но еще приказалъ посадить несчастнаго шляхтича въ заключеніе, гдѣ голодомъ и холодомъ морилъ его въ теченіе 12-ти недѣль и по временамъ приказывалъ истязать его въ своемъ присутствіи [2]). А въ февралѣ 1594 г. противъ Терлецкаго возбуждено было обвиненіе, представляющее по своей чрезвычайности, быть можетъ, единственный примѣръ въ лѣтописяхъ уголовныхъ проступковъ высшаго духовенства: владыка обвинялся на судѣ въ томъ, будто онъ въ пьяномъ видѣ велѣлъ задержать въ одномъ изъ своихъ имѣній проѣзжую крестьянскую дѣвушку Палажку и, приведя къ себѣ въ домъ, изнасиловалъ ее. Нѣсколько дней въ гродскомъ владиміръ-волынскомъ судѣ происходило публичное разбира-

[1]) Акты Южной и Зап. Руси. т. I, № 202.
[2]) Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 6, № XLVII и L.

тельство этого скандальнѣйшаго дѣла въ личномъ присутствіи обвиняемаго. Впрочемъ, судъ призналъ обвиненіе недоказаннымъ и оправдалъ епископа; но обвинитель п. Янъ Циминскій (помѣщикъ якобы потерпѣвшей дѣвушки) остался недоволенъ этимъ декретомъ и перенесъ дѣло въ люблинскій трибуналъ, гдѣ оно тянулось еще девять лѣтъ и окончательно было рѣшено лишь въ 1603 г. утвержденіемъ первоначальнаго рѣшенія гродскаго суда [1]).

Среди этихъ личныхъ хлопотъ, Терлецкому нельзя было забывать и другаго, болѣе важнаго дѣла, благодаря которому онъ только и могъ оставаться спокойнымъ въ виду столь тяжкихъ обвиненій. Дѣло объ уніи не прекращалось, оно велось тайно и хотя медленно но подвинулось впередъ уже на столько, что одинъ изъ участниковъ его, все тотъ же отважный Кириллъ Терлецкій, счелъ не нужнымъ болѣе скрывать свое участіе въ немъ. Въ маѣ 1594 г. владыка явился въ тотъ самый гродскій владимірскій судъ, въ которомъ за два мѣсяца предъ тѣмъ онъ судился по дѣлу о Палажкѣ, и просилъ внести въ актовыя книги запись о томъ, что „по волѣ и промышленію Бога въ Тройцѣ славимаго и при усердномъ стараніи и содѣйствіи его королевской милости и пановъ радъ, духовныхъ и свѣтскихъ, совершилось давно желанное примиреніе и соединеніе между двумя столько времени разрозненными по вѣрѣ церквами восточною и западною, съ признаніемъ святѣйшаго папы римскаго верховнымъ пастыремъ и намѣстникомъ апостольскимъ; а чтобы основательнѣе утвердить это соединеніе и засвидѣтельствовать покорность святѣйшему отцу папѣ, его королевская милость опредѣлилъ послать въ Римъ двухъ особъ: въ Бозѣ велебнаго о. Ипатія Потѣя, епископа владимірскаго, и меня, епископа луцкаго, и на разныя дорожныя потребности позволилъ мнѣ своею грамотою заложить одно изъ церковныхъ имѣній.“ Далѣе въ записи Терлецкаго говорилось о томъ, что онъ дѣйствительно заложилъ одно изъ такихъ имѣній п. Станиславу Кандыбѣ на 40 лѣтъ, занявъ у него 2,000 польскихъ золотыхъ [2]). Впрочемъ, намъ кажется нѣсколько странною эта поспѣшность Терлецкаго въ сборахъ къ путешествію въ Римъ: не хотѣлъ-ли онъ въ своихъ личныхъ видахъ

---

[1]) Почти всѣ относящіеся къ этому процессу документы напечатаны въ „Арх. ю.-з. Россіи“ ч. 1. т. 1 №№ 94—100 и ч. I т. 6, № CXXXI.

[2]) Архивъ Югозап. Р., ч. I т. I, № 101.

импонировать на общественное мнѣніе, поторопившись огласить о томъ почетномъ назначеніи, какого онъ удостоился со стороны короля? Въ дѣйствительности же до поѣздки въ Римъ было еще далеко. Въ дѣлѣ объ уніи не доставало еще очень многаго и притомъ весьма существеннаго: не были выработаны окончательныя условія для предположеннаго соединенія церквей, а главное—не доставало еще формальнаго согласія на унію со стороны митрополита и остальныхъ епископовъ (кромѣ извѣстныхъ четырехъ). Добиться такого согласія—это лежало уже на обязанности самихъ депутатовъ и преимущественно Терлецкаго, заявившаго себя въ глазахъ правительства иниціаторомъ уніи. Не извѣстно, что предпринимали они для достиженія этой цѣли, но только въ декабрѣ того же 1594 г. по ихъ стараніямъ былъ составленъ отъ лица всѣхъ западнорусскихъ іерарховъ декретъ или приговоръ объ уніи [1]) Въ то же время, по приглашенію Терлецкаго, нѣкоторые епископы съѣхались въ г. Сокаль и здѣсь составлена была первая редакція „артыкуловъ“ или условій, на основаніи которыхъ должна быть заключена унія. Въ этихъ условіяхъ не было и упоминанія о томъ, должно-ли быть и при уніи сохранено въ западнорусской церкви православное ея вѣрованіе и тѣ догматы, въ которыхъ она существенно расходится съ римскою церковью, и только въ одномъ пунктѣ шла рѣчь о неприкосновенности православныхъ обрядовъ и церемоній; но за то здѣсь очень много говорилось о правахъ владыкъ, о мѣстѣ для нихъ въ сенатѣ, объ ихъ пожизненной несмѣняемости на занятыхъ уже каѳедрахъ и наконецъ вообще о предоставленіи имъ такихъ же свободъ и вольностей, какія были присвоены въ польскомъ государствѣ католическимъ бискупамъ. Не были забыты въ этихъ условіяхъ и братства церковныя: владыки требовали, чтобы были уничтожены „листы и привилегіи, какіе понадавали у насъ патріархи ради прибытковъ своихъ братствамъ и на разныя справы въ народѣ, отъ чего размножились секты и ереси.“ Представленіе этихъ „артыкуловъ“ королю и панамъ радамъ было поручено опять тому же Кириллу Терлецкому.

Почти весь слѣдующій 1595 годъ прошелъ для Терлецкаго въ большихъ хлопотахъ. Нужно было окончательно договориться съ польскимъ правительствомъ и высшимъ католическимъ духовен-

---

[1]) Архивъ Зап. Р., т. IV, № 53.

ствомъ относительно всѣхъ подробностей уніи, чтобы имѣть возможность, наконецъ, предпринять давно назначенное посольство въ Римъ. Терлецкій безпрестанно ѣздилъ то къ митрополиту, то къ королю, то къ папскому нунцію, то къ коронному канцлеру, и обнаруживалъ столько усердія, что возбудилъ даже ревность въ сердцѣ своего ближайшаго сотрудника Ипатія Потѣя, который жаловался, будто при дворѣ говорятъ о немъ: „на кого мы болѣе всего падѣялись, тотъ теперь хуже всѣхъ.“ Даже митрополитъ Рагоза, который всѣ сношенія и переговоры съ правительствомъ велъ черезъ Терлецкаго, мало довѣрялъ послѣднему, и зная его хитрую, склонную къ интригамъ натуру, постоянно опасался, какъ бы тотъ не отнялъ у него митрополичьей каѳедры. Онъ и князя Острожскаго не разъ предостерегалъ на счетъ Терлецкаго и совѣтовалъ ему, какъ можно болѣе „беречься этого райскаго змія и коварной лисицы“ [1]).

Наконецъ, всѣ переговоры были окончены и послы получили приказаніе готовиться къ выѣзду въ Римъ. Видно, Терлецкій успѣлъ истратить вырученныя за церковное имѣніе 2.000 золотыхъ, такъ какъ для покрытія издержекъ на предстоящее путешествіе король вторично разрѣшилъ ему отдать въ аренду на 20 лѣтъ всѣ церковныя имѣнія луцкой епархіи, и въ тотъ же день подписалъ приказъ, чтобы всѣ судебныя дѣла, касающіяся Потѣя и Терлецкаго, были пріостановлены до ихъ возвращенія изъ Рима. Пускаясь въ дальній путь, Кириллъ нашелъ нужнымъ написать свое духовное завѣщаніе, которое и внесъ въ книги королевской канцеляріи. Въ концѣ сентября 1595 г. оба владыки выѣхали изъ Кракова съ немалою свитою изъ духовныхъ лицъ и мірянъ, и черезъ семь недѣль прибыли въ Римъ. Папа принялъ ихъ весьма ласково, помѣстилъ въ роскошномъ дворцѣ неподалеку отъ своего замка и приказалъ отпускать для нихъ въ изобиліи все необходимое. 23-го декабря въ большой залѣ папскаго дворца происходило торжественное засѣданіе священной коллегіи, во время котораго западно-русскіе владыки исполнили возложенное на нихъ порученіе и присягнули отъ себя и отъ лица остальныхъ архіереевъ на вѣчное соединеніе западно-русской церкви съ римскою

---

[1]) Исторія русск. церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 580. Русск. историч. библіотека, т. VII, стр. 1058.

и полное подчиненіе ея власти римскаго первосвященника. На другой день, въ праздникъ Рождества Христова, оба они служили вмѣстѣ съ папою въ храмѣ св. Петра, занимая мѣста выше всѣхъ латинскихъ епископовъ; и въ послѣдующее время папа неоднократно приглашалъ ихъ къ сослуженію съ собою, часто принималъ ихъ въ своемъ дворцѣ и сдѣлалъ обоихъ своими „придворными прелатами“. Наконецъ, въ началѣ февраля 1596 г. Терлецкій и Потѣй выѣхали изъ Рима, и 3-го марта луцкій епископъ Бернардъ Мацѣевскій воспѣлъ въ своемъ костелѣ *Te Deum laudamus* (т. е. благодарственный молебенъ) по тому случаю, что „владыки луцкій и владимірскій пріѣхали изъ Рима въ добромъ здоровьи, счастливо и съ радостными вѣстями“.

Но не радостныя вѣсти застали владыки у себя дома: вся Литва и юго-западная Русь волновалась и громко выражала свое негодованіе противъ іерарховъ, опозорившихъ себя вѣропредательствомъ. Какъ разъ въ это самое время въ Варшавѣ былъ созванъ генеральный сеймъ, и съѣхавшіеся сюда земскіе послы отъ воеводствъ: кіевскаго, волынскаго, минскаго, новогородскаго, полоцкаго и другихъ подали отъ имени своихъ избирателей просьбы королю, чтобы епископы Терлецкій и Потѣй были лишены архіерейскихъ каѳедръ за то, что безъ вѣдома православныхъ и своихъ духовныхъ начальниковъ—восточныхъ патріарховъ ѣздили въ Римъ и самовольно отдались подъ власть папы; а за тѣмъ тѣ же послы съ княземъ Константиномъ Острожскимъ во главѣ заявили торжественно предъ лицемъ сейма, что они и весь русскій народъ не будутъ болѣе признавать означенныхъ владыкъ своими пастырями и не станутъ допускать ихъ духовной власти въ своихъ имѣніяхъ. Какъ ни много Терлецкій и Потѣй надѣялись на короля, но и на нихъ не могли не произвести самаго тяжелаго впечатлѣнія такіе сильные протесты. Кириллъ Терлецкій до того даже испугался, что на всякій случай все движимое имущество свое велѣлъ вывести изъ Луцка и отдалъ для храненія одному пинскому мѣщанину. Кромѣ того, онъ обратился къ королю съ просьбой вторично пожаловать ему грамоту на луцкую епископію. И король выдалъ ему такую грамоту и въ ней снова удостовѣрилъ за себя и за своихъ преемниковъ, что никогда не удалитъ Кирилла и никому не позволитъ удалить его отъ луцкой епископіи и принадлежащихъ ей „маетностей“. Сверхъ того, король предоставилъ еще Терлец-

кому въ пожизненное управленіе Кобринскій спасскій монастырь со всѣми его имѣніями.

Опускаемъ дальнѣйшую исторію провозглашенія уніи и наступившей за тѣмъ борьбы между православными и уніатами, такъ какъ во всѣхъ этихъ событіяхъ Кириллъ Терлецкій не принималъ сколько-нибудь активнаго участія. Унія сама по себѣ не была для него цѣлью, а только лишь средствомъ для достиженія личныхъ цѣлей; поэтому, возвратившись изъ Рима, Терлецкій счелъ свою роль исполненною до конца. Его, конечно, сначала тревожило то, что на брестскомъ соборѣ православные провозгласили его лишеннымъ епископскаго сана, что они неоднократно обращались къ правительству съ требованіями отобрать отъ него епархію и вручить ее православному пастырю, не разъ даже звали его къ сеймовому суду; но убѣдившись, что всѣ эти домогательства лишить его „хлѣба духовнаго“ никогда не увѣнчаются успѣхомъ, Терлецкій совершенно успокоился и съ тѣхъ поръ погрузился совсѣмъ въ заботы о личныхъ дѣлахъ, предоставивъ другимъ заботиться о судьбѣ уніи.

Мы упомянули, что король, въ награду за хлопоты по дѣламъ уніи, далъ Терлецкому Кобринскій монастырь. Но ему давно хотѣлось имѣть не этотъ, а другой, болѣе богатый монастырь—Жидичинскій, находившійся почти въ самомъ предмѣстьи г. Луцка. Въ половинѣ XVI ст. богатства этого монастыря неоднократно служили яблокомъ раздора между западно-русскими владыками. Въ послѣдній разъ его взялъ съ бою (въ 1585 г.) львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, успѣвшій потомъ выхлопотать себѣ и королевскую грамоту на архимандрію жидичинскую. Когда Терлецкій былъ переведенъ на луцкую каѳедру, онъ тотчасъ же сталъ обнаруживать свои виды на этотъ монастырь, что и послужило первою причиною враждебныхъ отношеній между нимъ и львовскимъ владыкою. Въ 1589 г. Балабанъ, съ королевскаго разрѣшенія, уступилъ Жидичинскій монастырь своему племяннику, шляхтичу Григорію Балабану, который и сталъ управлять имъ въ званіи „нареченнаго архимандрита“, не принимая церковнаго посвященія. Съ этимъ-то Григоріемъ Балабаномъ и началась у Терлецкаго чрезвычайно упорная борьба, продолжавшаяся до самой его смерти и полная самыми разнообразными приключеніями. Дѣло началось съ того, что въ мартѣ 1596 г.

Григорію Балабану было доставлено присланное изъ Рима отъ Терлецкаго письмо на имя его дяди, владыки львовскаго. Когда Григорій распечаталъ это письмо и поднесъ его къ глазамъ, чтобы разобрать подпись, его вдругъ обдало какою-то пылью и онъ внезапно впалъ въ обморокъ. Къ счастью, при немъ случился его братъ, который бывалъ въ чужихъ земляхъ и зналъ, что тамъ подобные ядовитые порошки часто посылаются въ письмахъ, при чемъ ему извѣстны были нѣкоторыя противоядія, при помощи которыхъ и удалось спасти Григорія отъ наглой смерти. Но не успѣлъ Балабанъ оправиться отъ этого случая, какъ со стороны слугъ Терлецкаго, побывавшихъ въ Римѣ, совершена была вторичная попытка отравить его чрезъ рукопожатіе. На этотъ разъ послѣдствія отравы были довольно серьезны: возный, свидѣтельствовавшій больнаго, донесъ уряду, что нашелъ Балабана едва живымъ, а на тѣлѣ его видѣлъ желтыя пятна величиною съ таляръ; онъ свидѣтельствовалъ также слюну больнаго и нашелъ, что она была густа и тянулась непрерывною нитью длиннѣе человѣческаго роста. Балабанъ долго болѣлъ послѣ этого случая, а выздоровѣвъ, позвалъ на судъ Терлецкаго [1]).

Послѣ этого Терлецкій открыто и настойчиво началъ преслѣдовать своего противника и, между прочимъ, обратился къ королю съ ходатайствомъ объ удаленіи Балабана, какъ человѣка свѣтскаго, отъ управленія монастыремъ. Тогда Балабанъ отправился къ своему дядѣ, львовскому епископу, и принялъ отъ него посвященіе въ санъ архимандрита. У Терлецкаго истощилось, наконецъ, терпѣніе: потерявъ надежду вытѣснить противника законнымъ путемъ, онъ прибѣгнулъ къ насилію. Въ одну ночь (въ 1597 г.) монастырь былъ окруженъ вооруженными людьми, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, которые разомъ открыли ружейную пальбу и съ крикомъ вломились чрезъ монастырскія стѣны. Разбуженный необычайнымъ шумомъ, Балабанъ выбѣжалъ изъ келіи и, не зная, гдѣ искать спасенія, бросился по лѣстницѣ на кровлю монастырской церкви; его примѣру послѣдовали растерявшіеся со страха слуги и ночевавшіе у него тогда гости. Нападавшіе не сразу замѣтили, куда дѣвался архимандритъ. Онъ былъ уже высоко на церкви, когда раздалось: „онъ Балабанъ! бый, забый!“ — и ему

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть I, т. I №№ 116 и 117.

вслѣдъ пущено было нѣсколько выстрѣловъ. Но онъ успѣлъ достигнуть шеи церковнаго купола („бани“) и тамъ укрылся вмѣстѣ съ своими слугами. Нѣсколько дней послѣ этого происходилъ грабежъ монастырскаго имущества, а Балабанъ съ своими людьми все это время сидѣлъ на церкви, окруженный внизу архіерейскими гайдуками. Его неоднократно убѣждали сойти внизъ и добровольно уступить владыкѣ монастырь, угрожали вслучаѣ дальнѣйшаго его упорства взорвать порохомъ церковь, на которой онъ укрывался; но Балабанъ рѣшительно отказывался исполнить эти требованія. Наконецъ, прибыли въ монастырь родственники Балабана въ сопровожденіи урядовыхъ чиновниковъ, по требованію которыхъ толпа грабителей удалилась и злосчастный архимандритъ могъ, наконецъ, спуститься изъ своего страннаго заключенія. Началось судебное дѣло. Король принялъ сторону Терлецкаго и присудилъ въ его пользу Жидичинскій монастырь, основываясь на томъ, что Балабанъ былъ преданъ на брестскомъ соборѣ церковному отлученію за несогласіе приступить къ уніи. А тѣмъ временемъ монастырь еще не одинъ разъ переходилъ изъ рукъ въ руки при помощи грубаго насилія. Въ концѣ-концевъ Терлецкому не удалось восторжествовать надъ своимъ противникомъ, такъ какъ тотъ принялъ унію и этимъ тотчасъ же укрѣпилъ свои права на оспариваемый у него монастырь [1]).

Было бы слишкомъ долго перечислять другіе подвиги Терлецкаго, за которые онъ безпрестанно судился въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни. Но не можемъ пройти молчаніемъ одного дѣла, которое въ свое время надѣлало много шуму и послужило для православныхъ орудіемъ къ тому, чтобы дискредитировать уніатскую партію въ глазахъ народа: то было дѣло объ утопленіи священника Добринскаго. Стефанъ Добринскій былъ священникомъ въ православномъ спасскомъ монастырѣ, находившемся въ предмѣстьи Луцка Чернчичахъ, имѣніи князя Константина Острожскаго. Это былъ весьма популярный человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ простомъ народѣ. Онъ присутствовалъ на брестскомъ соборѣ 1596 г. и его имя мы встрѣчаемъ въ чи-

---

[1]) Многочисленные документы, относящіеся къ судебнымъ тяжбамъ между Терлецкимъ и Григ. Балабаномъ, напечатаны въ „Архивѣ Юго-зап. Россіи“, части I-й томы 1 и 6.

слѣ лицъ, подписавшихъ соборный актъ и давшихъ здѣсь торжественный обѣтъ стоять крѣпко за вѣру православную и всѣми силами противодѣйствовать распространенію уніи. За это онъ, въ числѣ другихъ ревнителей православія, былъ преданъ проклятію со стороны уніатскаго синода и объявленъ лишеннымъ священническаго сана. Живя въ Чернчицкомъ монастырѣ, подъ защитой могущественнаго князя Острожскаго, Стефанъ Добринскій смѣло и открыто боролся противъ уніи и, пользуясь большимъ вліяніемъ среди православнаго населенія, оказывалъ значительное противодѣйствіе замысламъ уніатовъ. Когда Кириллъ Терлецкій принялся обращать въ Луцкѣ православныя церкви въ уніатскія, то луцкіе горожане, лишенные православныхъ монастырей, всѣ, по словамъ автора „Перестороги“, „обернулися“ къ чернчицкому священнику „и тамъ у него набоженства заживати почали“. Этого не могъ простить о. Стефану владыка луцкій и, со свойственною ему неразборчивостью въ средствахъ къ достиженію задуманной цѣли, готовился прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, чтобы только избавиться отъ вреднаго сосѣда.

Однажды, въ началѣ декабря 1597 г., Стефанъ Добринскій былъ по дѣламъ въ г. Луцкѣ, гдѣ между прочимъ договорилъ какого-то кузнеца Павла подковать ему лошадей. Многіе видѣли, какъ о. Стефанъ, въ сопровожденіи кузнеца, поздно вечеромъ отправился пѣшкомъ въ свой монастырь, но потомъ оказалось, что онъ не возвращался домой и вообще съ той поры какъ его самого, такъ равно и бывшаго съ нимъ Павла кузнеца и слѣдъ простылъ. Когда слухъ о таинственномъ исчезновеніи о. Стефана распространился въ Луцкѣ, то многіе сначала шепотомъ, а далѣе все громче стали называть виновникомъ его гибели Кирилла Терлецкаго: говорили, что священникъ былъ убитъ слугами владыки и тѣло его утоплено въ рѣкѣ. Толки эти еще болѣе усилились, когда весною, по вскрытіи рѣки Стыра, найдены были тѣла погибшихъ. Тогда братъ погибшаго священника, шляхтичъ Николай Добринскій, собравъ ходившіе въ народѣ слухи и основываясь на показаніяхъ крестьянъ Чернчицкаго монастыря, занесъ въ судъ жалобу на владыку луцкаго, обвиняя его въ убійствѣ и утопленіи своего брата Стефана. Но въ рукахъ обвинителя долгое время не было достаточныхъ уликъ противъ Терлецкаго, какъ виновника преступленія, такъ какъ единственными свидѣтелями убійства могли быть

только слуги епископа, которые не имѣли побужденій или же боялись выдать его. Многіе, возмущенные совершеннымъ злодѣяніемъ, всѣми мѣрами старались содѣйствовать открытію его виновниковъ. Въ числѣ такихъ лицъ были слуги и урядники князя Острожскаго, дѣйствовавшіе въ этомъ случаѣ, вѣроятно, не безъ его воли. Съ помощью хитрости и даже насилія имъ удалось однажды увезти изъ города нѣкоторыхъ слугъ Терлецкаго, на которыхъ молва указывала, какъ на свидѣтелей преступленія, и передать ихъ въ руки обвинителя, который не замедлилъ представить ихъ въ судъ какъ очевидцевъ и участниковъ убійства и утопленія его брата. Показанія этихъ лицъ сразу пролили яркій лучъ свѣта на это темное дѣло. Вотъ, для примѣра, показаніе архіерейскаго псаломщика Демьяна: „Была у владыки давняя ненависть къ попу Чернчицкому, и онъ строго заказывалъ людямъ, чтобы никто къ нему не смѣлъ обращаться за молитвами и таинствами, и меня неоднократно посылалъ записывать тѣхъ, которые къ нему хаживали. И въ одно время, въ декабрѣ подъ праздникъ Николая русскаго, въ пятницу вечеромъ владыка не помню откуда пріѣхалъ въ Луцкъ, а на другой день ему доложили, что попъ Чернчицкій находится въ городѣ. Онъ тотчасъ же приказалъ мнѣ и другому слугѣ Мартинку слѣдить за попомъ. Мы слѣдили за нимъ и вечеромъ донесли владыкѣ, что попъ съ кузнецомъ вышли изъ города. Онъ немедленно отрядилъ въ догоню за ними Войтеха повара, Василія Коростеля, Вижгу венгрина, и мы съ Мартинкомъ отправились съ ними. Догнали мы попа противъ церкви Воскресенской и стали говорить ему, чтобы онъ къ владыкѣ шелъ. А было тогда около часу по наступленіи ночи. Тотъ попъ оказался пьянымъ и не хотѣлъ идти къ владыкѣ; но его повели силою и сдали на руки владыкѣ, на покои къ нему. Туда же вошли и тѣ, что привели попа, и домъ заперли за собою, а намъ не позволено было войти и строго заказано никому не говорить о случившемся. Что творилось далѣе съ попомъ — этого я не знаю. А на другой день, въ воскресеніе, когда въ городѣ пошла молва о гибели попа и было большое негодованіе въ народѣ, владыка говорилъ за обѣдомъ: „это проклятіе брестское и наши молитвы погубили его!“ а потомъ прибавилъ: „вотъ бѣда! еще станутъ говорить, что владыка попа утопилъ!“ [1]).

---

[1]) Архивъ ю.-з. Россіи, ч. I, т. 6, №№ LXXXI, XC, XCIV и XCV.

Дѣло объ утопленіи священника прошло чрезъ всѣ судебныя инстанціи и въ 1598 г. восходило даже на судъ сеймовый; но „за зволокою“ не было тогда разсмотрѣно и вмѣстѣ съ другими церковными „справами“ отложено до слѣдующаго сейма. Въ виду этого Николай Добринскій обратился къ православнымъ депутатамъ отъ русскихъ воеводствъ, отправлявшимся на сеймъ въ 1600 г., и просилъ ихъ настоять, чтобы дѣло объ убійствѣ Терлецкимъ его брата было, наконецъ, разсмотрѣно сеймомъ, и чтобы король „обачилъ справы того, который унѣю чинитъ и зводитъ“. Въ это же самое время православные позвали на сеймовый судъ Терлецкаго и Потѣя по обвиненію въ томъ, что, они, вопреки постановленію брестскаго православнаго собора объ ихъ низложеніи, продолжаютъ титуловаться епископами и пользоваться не принадлежащими имъ церковными имѣніями. Что происходило на сеймѣ при разсмотрѣніи этихъ двухъ обвиненій—объ этомъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. По словамъ автора „Перестороги“, оба уніатскіе архіереи съ видомъ угнетенной невинности „удались“ подъ защиту своего неизмѣннаго покровителя, короля Сигизмунда III, съ представленіемъ, что вотъ, дескать, милостивый господарь, совершается „новое и неслыханное дѣло: овечки на пастырей жалуются и насъ за пастырей своихъ не хотятъ признавать“ и т. под.; въ отвѣтъ на что раздались со всѣхъ сторонъ укоризны, что они своею уніею произвели смятеніе въ народѣ „начинили убійствъ и всякихъ нечистотъ намножили: о чемъ свѣдѣтства полные книги въ судѣхъ знайдешъ“; что кровь, пролитая владыками, вопіетъ къ небу объ отмщеніи. Въ общемъ интересъ возбужденнаго противъ Терлецкаго и Потѣя обвиненія касательно уніи былъ такъ великъ, что, можно думать, совершенно заслонилъ вниманіе сейма отъ другаго, сравнительно меньшей важности дѣла—объ убійствѣ священника. Неизвѣстно даже, состоялось ли какое-либо сеймовое рѣшеніе по этому дѣлу. Можно предполагать, что польское правительство всѣми мѣрами постаралось замять это дѣло, столь сильно компрометировавшее одного изъ дѣятелей уніатской партіи.

На сколько доказательнымъ представляется обвиненіе Терлецкаго въ убійствѣ чернчицкаго священника, объ этомъ пусть судитъ самъ читатель. Съ своей же стороны напомнимъ, что это убійство составляетъ не единственное преступленіе подобнаго рода, приписываемое луцкому владыкѣ: современники обвиняли его сверхъ того

въ убійствѣ какого-то Филиппа Маляра „многопѣняжного“ съ цѣлью присвоенія его „румяныхъ золотыхъ“, въ чемъ, какъ мы упоминали, Терлецкій былъ уличенъ будто бы предъ лицемъ князя Острожскаго; а знаменитый полемистъ того времени, инокъ аѳонской горы Іоаннъ Вишенскій, въ одномъ изъ окружныхъ посланій, присылаемыхъ имъ въ Малую Русь, писалъ, обращаясь къ Терлецкому: „Пощупайся только въ лысую голову, ксенже бискупе луцкій: сколько ты за время своего святительства живыхъ послалъ къ Богу мертвыми: однихъ—сѣканною (т. е. чрезъ сѣченіе), другихъ—водотопленною, третьихъ— огнепальною смертью съ жизнью разлучилъ!“ [1]).

Кириллъ Терлецкій умеръ въ маѣ 1607 года, пробывъ въ санѣ епископа болѣе тридцати лѣтъ. Мѣсяца за полтора до своей смерти онъ написалъ „тестаментъ“ т. е. духовное завѣщаніе. Готовясь къ послѣднему расчету и мысленно обозрѣвая свою мятежную жизнь, старый грѣшникъ не могъ не испытывать душевной тревоги и ужаса предъ наступавшей для него вѣчностью, и вотъ что писалъ въ своемъ завѣщаніи: „рахуючи реестры сумненя (совѣсти) своего и споминаючи тяжкіе грѣхи мои, которыми Творца и Избавителя моего завжды ображалъ есмь, прошу Его святои Божескои милости, абы, не памятаючи злостей моихъ, не входилъ зо мною въ судъ и не выконывалъ надо мною грозного и страшного справедливого декрету своего, але по невымовному милосердю своему святому, въ которомъ я надѣю (надежду) мою покладаю, былъ милостивъ душѣ моей грѣшной“ [2]).

Въ томъ же завѣщаніи приведена подробная опись оставшагося послѣ Терлецкаго весьма богатаго состоянія, которое онъ распредѣлилъ между дочерью Ганною и братомъ Ярошемъ. Сверхъ наличныхъ денегъ, наслѣдникамъ досталось много векселей на большія денежныя суммы, которыя были „винни“ епископу разныя лица: мѣщане, купцы, евреи и знатные шляхтичи; изъ нихъ, наприм., долгъ жмудскаго каштеляна Нарушевича простирался на крупную сумму 14.000 червонцевъ. Всѣ эти долги были обезпе-

---

[1]) Акты южн. и зап. Россіи, т. II, стр 230.

[2]) Завѣщаніе Терлецкаго напечатано въ крайне испорченномъ видѣ въ I т. Археографич. Сборника. Мы нашли его въ современномъ спискѣ въ актовой книгѣ Луцк. гродскаго суда 1607 г., хранящейся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ.

чены залогами соотвѣтственной стоимости: землями, имѣніями, или же цѣнными вещами.

Кириллъ Терлецкій завѣщалъ похоронить его „учтиво, соборомъ, звычаемъ закону греческого хованія тѣлъ епископскихъ“, въ соборной луцкой церкви Іоанна Богослова, при гробахъ его предмѣстниковъ, владыкъ луцкихъ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ прибавить нѣсколько замѣчаній къ вопросу о нравственной характеристикѣ личности Терлецкаго. Никто, надѣемся, не станетъ оспаривать того, что Кириллъ Терлецкій былъ во всѣхъ отношеніяхъ недостойнѣйшій пастырь и не высокой нравственности человѣкъ; что онъ представляетъ собою типъ грубаго эгоиста-стяжателя, дерзнувшаго надѣть на себя святительскую одежду ради богатыхъ „хлѣбовъ духовныхъ“ и не задумавшагося стать предателемъ интересовъ вѣры и церкви ради достиженія личныхъ эгоистическихъ цѣлей; что отличительными чертами его характера были: хитрость, пронырство и склонность къ интригамъ. Сомнѣніе можетъ быть въ одномъ лишь пунктѣ: дѣйствительно ли онъ былъ такимъ уже до крайности порочнымъ человѣкомъ, какимъ его изображаютъ современные и послѣдующіе историки? Въ своемъ мѣстѣ мы привели отчасти отзывы о Терлецкомъ двухъ его современниковъ: автора „Перестороги“ и Іоанна Вишенскаго; оба они, какъ мы видѣли, характеризуютъ его самыми темными красками и приписываютъ ему рядъ позорнѣйшихъ преступленій. Приведемъ еще отзывъ третьяго современника—автора извѣстнаго православно-полемическаго сочиненія „Апокрисиса“, изданнаго въ 1597 г., при жизни Терлецкаго. Отзывъ этотъ важенъ для насъ въ двухъ отношеніяхъ: онъ принадлежитъ жителю Волыни, какъ видно по всему, имѣвшему возможность близко наблюдать и во всѣхъ подробностяхъ знать частную жизнь Терлецкаго; кромѣ того, отзывъ этотъ напечатанъ въ сочиненіи, составленномъ и изданномъ при ближайшемъ содѣйствіи князя Константина Острожскаго, который едва ли допустилъ бы, чтобы въ немъ нашли себѣ мѣсто пасквиль и клевета. Вотъ что говоритъ авторъ „Апокрисиса“ о Терлецкомъ: „Годилось бы намъ упомянуть о достоинствахъ, свойствахъ, поступкахъ и добродѣтеляхъ луцкаго владыки, который можетъ быть названъ первѣйшимъ посредникомъ, творцемъ, дѣятелемъ, плотникомъ и

созидателемъ этой надтлѣвшей уніи; но такъ какъ объ этомъ упоминать было бы и продолжительно, и сверхъ того сюда примѣшалось бы много такихъ вещей, о которыхъ и слушать скверно, то я и не хочу мерзить читателю подобнымъ предметомъ. Впрочемъ, тотъ край, въ которомъ я жилъ и живу, можетъ повѣдать всякому любопытствующему о его безпутствахъ, неприличныхъ не только духовной, но и свѣтской христіанской особѣ. Мы надѣялись, что поѣздка въ Римъ произведетъ въ немъ перемѣну къ лучшему; но вмѣсто исправленія жизни, онъ привезъ съ собою оттуда, вмѣстѣ съ гнилою уніею, безстыдныя книжки, наполненныя крайне соблазнительными рисунками, разсматриваніемъ которыхъ онъ насыщаетъ свои безбожныя очи и разжигаетъ въ себѣ скверную похоть. Не довольствуясь еще тѣмъ, что самъ въ разсматриваніи ихъ полагаетъ утѣху своей роскоши, онъ не стыдится ихъ показывать и честнымъ женамъ; благопристойно ли это—пусть всякій судитъ. Трудно ему запираться въ этомъ, потому что есть такіе, которые, если только онъ пожелаетъ, скажутъ это ему прямо въ глаза. По этимъ малымъ дѣламъ можно судить и о большихъ, о которыхъ умалчиваю, какъ сказано выше, избѣгая мерзливости“ [1]). И достойно вниманія, что противники православныхъ—уніаты, не оставлявшіе безъ возраженій ни одного факта, ни одного положенія, приводимаго въ православно-полемическихъ сочиненіяхъ, сколько извѣстно, никогда не выступали на защиту чести и добраго имени своего сподвижника, котораго противная сторона столь тяжко позорила. Съ тѣхъ поръ репутація Терлецкаго, по видимому, прочно установилась въ исторіи и всѣ послѣдующіе историки отзывались о немъ въ духѣ современныхъ ему православно-полемическихъ сочиненій. Но лѣтъ двадцать назадъ въ одномъ почтенномъ трудѣ по исторіи уніи сдѣлана была попытка обѣлить печальный историческій образъ Терлецкаго и отвергнуть всѣ неблагопріятные для его памяти отзывы современниковъ, объясняя ихъ ненавистью къ нему за измѣну православію и видя въ нихъ „явныя преувеличенія, не подтверждаемыя никакими оффиціальными памятниками того времени“. Въ ту пору документальная разработка западно-русской исторіи только еще начиналась и потому естественно было ду-

---

[1]) Русск. Историч. Библіотека т. VII, стр. 1760.

мать, будто отзывы православныхъ полемистовъ XVI—XVII ст. о Терлецкомъ не подтверждаются оффиціальными памятниками того времени. Но съ тѣхъ поръ была открыта и отчасти издана громадная масса историко-юридическихъ матеріаловъ, относящихся къ прошлой жизни юго-западной Руси, а въ судебныхъ книгахъ тѣхъ временъ найдено множество дѣлъ и процессовъ, касающихся лично Терлецкаго—и что же оказалось? Всѣ эти „оффиціальные памятники“ не только въ главныхъ чертахъ подтверждаютъ извѣстія современниковъ о порочной жизни Терлецкаго, но представляютъ сверхъ того рядъ новыхъ, не менѣе позорныхъ обвиненій, въ свое время противъ него возбуждавшихся, о которыхъ мы находимъ лишь неясные намеки у современныхъ писателей. Конечно, не всегда обвиненія и на судѣ бываютъ вполнѣ добросовѣстны; въ особенности это случается въ эпохи сильныхъ общественныхъ возбужденій, при такомъ, наприм., разгарѣ партійныхъ страстей, какимъ сопровождалось въ юго-западной Руси введеніе уніи. Но нужно принять во вниманіе слѣдующія соображенія: во первыхъ, изъ разсмотрѣнія судебныхъ актовъ о Терлецкомъ видно, что не всегда его обвинителями являлись лица православныя; въ особенности это можно сказать объ одномъ изъ самыхъ позорныхъ процессовъ Терлецкаго (о дѣвкѣ Палажкѣ), возбужденномъ шляхтичемъ Яномъ Циминскимъ, ополяченное личное и фамильное имя котораго, кажется, довольно ясно указываетъ на принадлежность его къ католическому исповѣданію, и будь это иначе, въ такомъ случаѣ самъ Терлецкій не преминулъ бы въ своей защитѣ указать на религіозные мотивы, руководившіе обвинителемъ, чего онъ, однако, не сдѣлалъ. Во вторыхъ, всякое обвиненіе, возбуждаемое судебнымъ порядкомъ, возлагало на обвинителя весьма серьезную отвѣтственность: по литовскому статуту лице, возбудившее противъ кого-либо завѣдомо ложное обвиненіе, само подлежало той карѣ, какая опредѣлялась закономъ за преступленіе, служившее предметомъ обвиненія. Съ помощію этого закона, Терлецкому всякій разъ было бы не трудно наказать своихъ клеветниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самому очиститься отъ клеветы; а между тѣмъ онъ лишь однажды рѣшился воспользоваться этимъ закономъ, именно въ дѣлѣ съ Циминскимъ; но весьма знаменательно, что судъ не нашелъ возможнымъ подвергнуть послѣдняго наказанію за клевету, какъ того добивался Тер-

лецкій, тогда какъ это было бы лучшимъ средствомъ смыть позоръ, причиненный репутаціи владыки его обвиненіемъ. Наконецъ, въ третьихъ, не одинъ же Терлецкій измѣнилъ тогда православію; намъ извѣстны, напримѣръ, почти всѣ судебныя дѣла, касающіяся его сподвижника, Ипатія Потѣя, который занималъ болѣе видное положеніе въ уніатской партіи, несравненно ожесточеннѣе преслѣдовалъ православныхъ и былъ за то столь ими ненавидимъ, что они посягали даже на его жизнь;—и однакоже ни въ отзывахъ современниковъ, ни въ судебныхъ дѣлахъ мы не находимъ о Потѣѣ ничего подобнаго тѣмъ обвиненіямъ, какими и тамъ, и здѣсь опозорено имя Терлецкаго. Поэтому, допуская въ этихъ обвиненіяхъ извѣстную долю пристрастія, невѣрностей и преувеличеній, мы не имѣемъ, однако, достаточныхъ основаній отвергать ихъ относительную достовѣрность только лишь потому, что они касаются лица, принадлежавшаго къ такой сферѣ, которую нынѣ мы, люди другаго вѣка, привыкли считать высшею и болѣе свободною отъ недостатковъ.

Орестъ Левицкій.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Апрѣля 1885 года.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Больш. Подъяч., № 39.